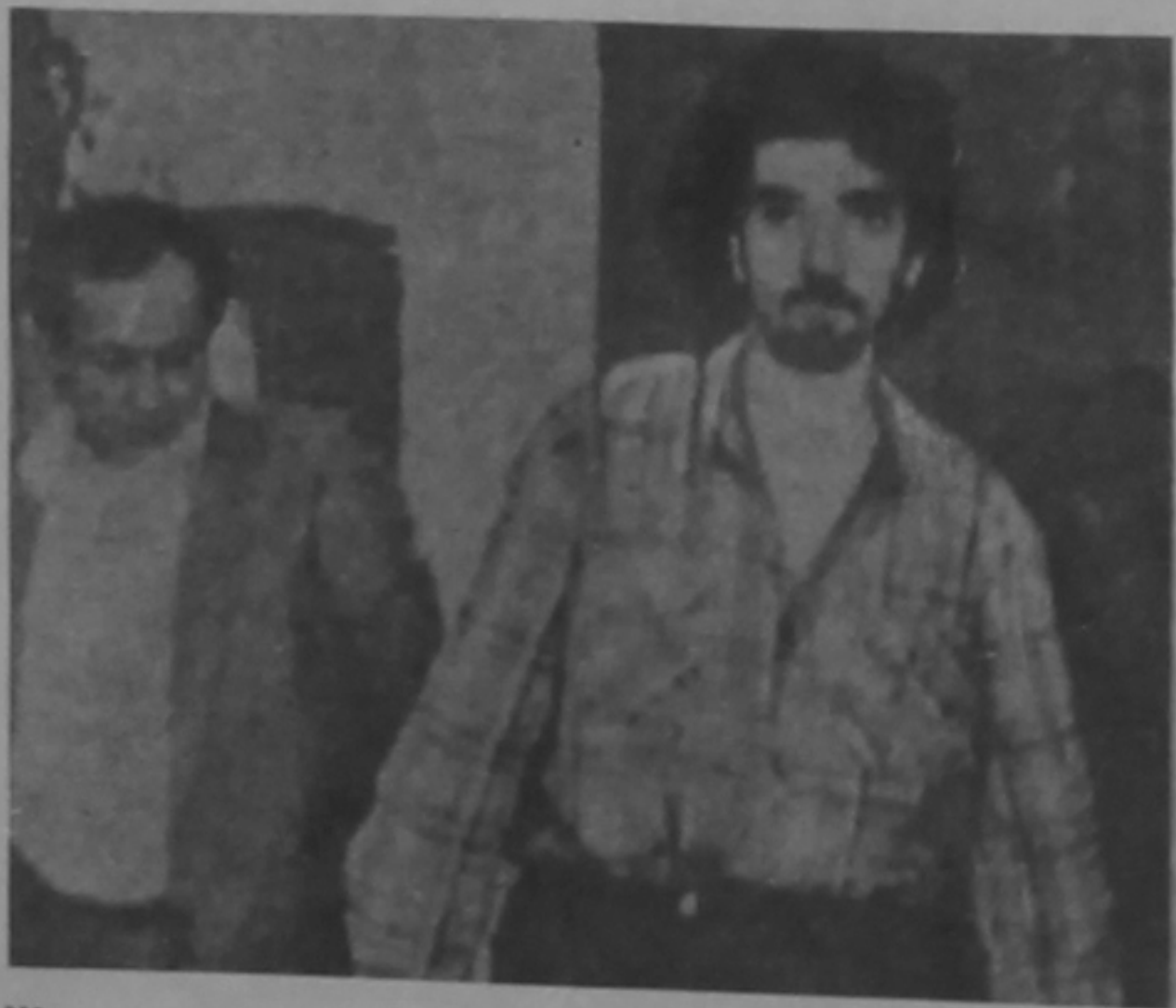

АРЕСТОВАН И ЗАБЫТ

— такова судьба журналиста Вардана Оганесяна

Журналист Вардан Оганесян — два месяца после ареста. Тюрьма в Гяндже, кабинет следователя.

Кадр из видеофильма Цветаны ПАСКАЛЕВОЙ.

СОБИРАЯСЬ в командировку в Нагорный Карабах, я, как обычно, просматривала материалы газет и информационных агентств о событиях в этом регионе и «вокруг него». Мое внимание привлекло одно имя, которое постоянно встречалось в иностранной прессе и ни разу — в советской. Вардан Оганесян, фотокорреспондент агентства ИАН, единственный из журналистов, присутствовавший в Геташене 30 апреля, единственный профессиональный хроникер и свидетель трагических событий того дня. Задержан во время

проверки паспортного режима. Дальнейшее местонахождение и судьба неизвестны. Прессой высказывались опасения, что Оганесян как неудобный свидетель «ликвидирован». Официальные лица хранили молчание, во встрече с армянским журналистом отказывали врачам, журналистам, парламентариям различных уровней.

Две стороны — армянская и азербайджанская — по-разному описывают обстоятельства появления Оганесяна в Чайкенде и его ареста.

По утверждению следственных органов и прокурату-

ры Азербайджана, Вардан Оганесян был связным между Ереваном и боевиками, базировавшимися в Чайкенде, координировал действия последних, на переговорах выступал от их имени. Впрочем, эти обвинения были через две недели сняты, и единственным уголовно наказуемым деянием осталось использование Оганесяном фиктивной справки, удостоверяющей его личность. Наказанием за это преступление (ст. 194, 2. УК Аз. ССР) может стать лишение свободы на срок до трех лет.

По версии армянской стороны, фотокорреспондент Оганесян был командирован в Чайкенд для того, чтобы снять посевные работы в заблокированном селе. На следующий день после его прибытия были отменены вертолетные рейсы Ереван—Чайкенд, и Вардан лишился возможности вернуться обратно.

30 апреля части Советской Армии и азербайджанского ОМОНа начали операцию по проверке паспортного режима, которая превратилась в настоящий штурм Чайкенда. Сельчане захватили в заложники четырнадцать солдат, и это грозило Чайкенду жестокими ответными мерами. В этой ситуации Оганесян взял на себя роль парламентаря и при его посредничестве солдаты были освобождены. Впоследствии он по-

мог эвакуировать из Чайкенда часть детей и женщин. Оганесян превысил полномочия журналиста, но выполнил долг человека.

После захвата Чайкенда омоновцы занялись розыском приезжих, которых они автоматически причисляли к боевикам. Было ясно, какая участь их ожидает. Сельчане попытались вывезти Вардана вместе с собой, дав ему справку о том, что он является жителем Чайкенда Владимиром Карапетяном.

В Азербайджане я настойчиво просила власти о встрече с Варданом Оганесяном, и такая возможность была мне предоставлена в последний день поездки за несколько часов до отлета. 14 июня мне разрешили несколько минут присутствовать при его допросе в кабинете начальника тюрьмы города Гянджа. На этом допросе двадцатитрехлетний парень, взявший на себя ношу, которая под силу единицам, держался с редким спокойствием и достоинством. Хотя и по короткому разговору было видно, каково ему в гянджинской тюрьме.

«Где ваша телекамера и пленки?» — спросила я Оганесяна. «Можно сказать, что упал и камера разбилась», — ответил он с иронией. «Позвольте не поверить вам. Я тоже тележурналист и знаю, как наш брат относится к аппаратуре». «Жизнь дороже», — вмешивается в наш раз-

говор следователь. «Да, жизнь дороже», — эхом отзывается Вардан.

В МИРЕ, раздираемом большими и малыми конфликтами, журналисты часто выполняют неблагодарную работу. И работа безоружного человека на линии огня часто остается безымянной, и измеряется она такими критериями, как оценка коллег и собственная совесть.

К сожалению, задачи журналиста все понимают по-разному: одни — как посильную помощь людям, другие — как освещение жизни «в свете последних решений». Я думаю, что именно соображениями политической конъюнктуры объясняется решение ИАН не возобновлять контракт со своим внештатным корреспондентом Оганесяном, принятое сразу же после его ареста.

В моем присутствии подследственный Оганесян просил не о свободе — он просил только непредвзятого суда и защиты.

Я осознаю свой долг перед ним — долг единственного человека из большого мира, которого он видел за эти полтора месяца и который дал ему маленькую надежду. Я осознаю свой долг перед обратом, попавшим в беду при исполнении своих профессиональных и человеческих обязанностей. Я обращаюсь к своим коллегам, в которых живо чувство долга, с призывом к профессиональной солидарности: неужели вы убеждены, что завтра любой из нас не может оказаться на месте Вардана Оганесяна?

Цветана ПАСКАЛЕВА,
журналист Болгарского
телевидения.

(«Московские новости»
7 июля 1991 г.)